

А-И горел желанием поделиться радостной вестью, но Чжуан Ян будто не слышал. Он закатал штанину Лю Хуна и размотал окровавленный бинт, который уже потерял свой первоначальный цвет.

— А-И, поднеси свет!

Чжуан Ян склонился над раной. Рана была глубокой, и кровь всё ещё сочилась. Не раздумывая, он снял с вешалки шёлковый халат, скомкал его и прижал к ране Лю Хуна. Его руки дрожали, а сам он был явно потрясён.

— Второй брат, рану нужно зашить, — проговорил Лю Хун, сдерживая боль.

Он протянул руку и коснулся руки Чжуан Яна, пальцы которого были в его крови. Услышав слова Лю Хуна, Чжуан Ян словно очнулся и начал действовать.

— А-И, разбуди А-Лань и принеси иглу.

А-И тут же бросился искать Чжуан Лань.

— А-Хун, прижми рану, я принесу лекарство.

Чжуан Ян подбежал к сундуку, достал снадобья и бинты и быстро вернулся к Лю Хуну. Тот был в сознании и смотрел на него. Чжуан Ян глубоко вздохнул, сел на край ложа и, схватив Лю Хуна за плечо с неожиданной силой, сказал:

— А-Хун, никогда больше не пугай меня так.

Ещё мгновение назад Чжуан Ян спал, как вдруг Лю Хун явился к нему весь в крови — страшное зрелище.

— Второй брат, это всего лишь поверхностная рана, не волнуйся.

Лю Хун протянул руку и коснулся испуганного лица Чжуан Яна. Их головы сблизились, и они смотрели друг другу в глаза, не замечая, что в дверях уже стоит Чжуан Лань.

С её точки зрения выходило, будто А-Хун лежит на ложе, а старший брат склонился над ним, и их лица почти соприкасаются, словно они делают что-то странное.

Да и волосы у старшего брата были распущены, а на теле — лишь тонкий шёлковый халат.

— Старший брат, я принесла иглу с ниткой, — громко сказала Чжуан Лань.

Чжуан Ян повернулся, взял у неё иглу и, занявшись делом, велел:

— А-Лань, отвернись и не смотри.

— Старший брат, я не боюсь, я помогу тебе держать ногу А-Хуна.

Чжуан Лань с любопытством разглядывала раненую ногу Лю Хуна. Крови она не боялась и смотрела во все глаза, как старший брат берёт острую иглу и прокаливает её над пламенем свечи.

— Второй брат, давай я сам, — сказал Лю Хун, пытаясь приподняться. На лбу у него выступил холодный пот.

Чжуан Ян удержал его и тихо молвил:

— Я зашью.

Лю Хун, потерявший много крови, был слаб и измотан. В этот миг он чувствовал себя беспомощным, отдаваясь на волю других. Поэтому, когда Чжуан Лань, придерживая его ногу, от напряжения впила ногтями в плоть, он не сопротивлялся. Техника шитья у Чжуан Яна была весьма болезненной, его руки дрожали, а лицо казалось бледнее, чем у Лю Хуна. Он никогда раньше не зашивал раны, да и Лю Хун прежде не получал таких тяжёлых ран и не терял столько крови. Однако сейчас везти Лю Хуна к врачу было невыносимо — не только из-за трудностей ночной дороги, но и потому что он мог потерять сознание от потери крови в пути. Помочь было некому, и Чжуан Ян взялся за дело сам.

Закончив, Чжуан Ян поднял взгляд на Лю Хуна. Его волосы были мокры от пота, а во взгляде читалась сложная гамма чувств.

— Старший брат, А-Хуну, кажется, очень больно. Как только ты тянешь нить, он хмурится, — проговорила Чжуан Лань, примостившись у ложа. Она дождалась, пока брат закончит, прежде чем заговорить.

Лю Хун жестом пригрозил дёрнуть её за косу, и она, прикрыв голову руками, убежала.

— А-Лань, иди спать.

— Ладно.

Нехотя Чжуан Лань вышла за дверь, но тут же вернулась, высунув голову в комнату. Лю Хун строго посмотрел на неё, она скорчила рожицу и убежала.

Чжуан Ян перебинтовал раненую ногу Лю Хуна и помог ему снять окровавленные штаны. Лю Хун остался в одних штанах и опустил голову, не решаясь взглянуть на Чжуан Яна. Тот же, словно ничего не замечая, достал из сундука свои штаны и протянул их Лю Хуну.

Пока Чжуан Ян, отвернувшись, убирал таз с водой и окровавленные бинты, Лю Хун быстро натянул новые штаны. Сидели они неплохо, лишь штанины оказались чуть коротковаты.

Из-за раны на ноге Чжуан Ян двигался с трудом. Он слегка прибрался в комнате и прилёг отдохнуть.

Два пациента лежали рядом.

Лю Хун повернулся к нему, и Чжуан Ян сказал:

— Спи.

Лю Хун был смертельно усталым, но засыпать не хотелось. Он смотрел, как Чжуан Ян берёт бамбуковые свитки, собираясь читать, и позвал его:

— Второй брат.

— Мм?

— Второй брат, ложись спать.

Только тогда Чжуан Ян погасил свет и лёг на бок, отвернувшись от Лю Хуна.

В темноте Лю Хун постепенно придвинулся к Чжуан Яну и обнял его. Чжуан Ян попытался отстранить его руку, но Лю Хун крепко сжал её.

— Я обниму тебя немного и отпущу.

— От тебя так хорошо пахнет, второй брат.

Лю Хун прижался лицом к спине Чжуан Яна, вдыхая знакомый аромат трав, и погрузился в глубокий сон.

Почувствовав, что Лю Хун уснул, Чжуан Ян осторожно высвободился из его объятий. Он сел, снова зажёл масляную лампу и, не чувствуя сонливости, устроился рядом с Лю Хуном, глядя на его спящее лицо. Он поднял руку и коснулся бровей и носа Лю Хуна. Тот спал так крепко, что ничего не чувствовал. Чжуан Ян испустил едва слышный вздох, убрал руку, поправил одеяло Лю Хуна и лёг рядом.

Лю Хун проснулся, и первым, что он увидел, были ярко-алые камелии за окном. Он сел на ложе — комната была пуста, Чжуан Ян исчез. Вспоминая, как обнимал его прошлой ночью, Лю Хун коснулся места, где тот лежал, вдыхая остатки его запаха.

Дверь была распахнута, и Лю Хун заметил на балконе фигуру, поливающую цветы. Он сполз с ложа, медленно поднялся — боль была терпимой — и, ковыляя, вышел из комнаты, подойдя к Чжуан Яну.

Тот мягко взглянул на него и снова занялся орхидеей. Лю Хун молча прислонился к перилам, наблюдая за А-Хэ, хлопотавшей внизу у колодца, а затем перевёл взгляд на Чжуан Лань, размахивавшую саблей.

Лю Хун учил её настоящей технике сабли, но у неё получалось что-то вроде изящного танца.

— А-Хун, что ты делаешь наверху? — удивилась А-Хэ, заметив его. Она не видела, как он поднялся.

— А-Хун ночевал у старшего брата, — сказала Чжуан Лань, убирая саблю и глядя на Лю Хуна и Чжуан Яна наверху.

Чжуан Ян был поглощён цветами, а Лю Хун, услышав это, украдкой взглянул на него.

— А-Хун поймал Хо Да, и тот ранил его саблей. Вчера поздно ночью он пришёл к старшему брату и даже взял мою иглу, чтобы зашить рану.

Чжуан Лань, не переводя дух, выложила все события прошлой ночи.

А-Хэ вскрикнула:

— Хо Да пойман?

— Хо Да поймали прошлой ночью А-Хун и Дуань Юйцзяо. Он даже не удосужился узнать, какие отношения у второго брата и А-Хуна, пусть теперь гниёт в тюрьме.

А-И вышел из дома с бамбуковой корзиной и серпом. На лице у него ещё виднелись следы старых ран, но ноги уже зажили. А-И был старше Лю Хуна, но беззастенчиво называл его

«старшим братом».

Уголки губ Чжуан Яна дрогнули в едва уловимой улыбке, которую заметил Лю Хун. Тот тоже улыбнулся, подумав, какой сегодня прекрасный и солнечный день.

— Второй брат, я пойду.

— Я провожу тебя.

— Не надо, у тебя тоже нога болит.

Лю Хун, прихрамывая, стал спускаться по лестнице. Чжуан Ян смотрел ему вслед, видя, как тот осторожно переставляет ноги, преодолевая ступеньки, и на душе у него стало беспокойно.

Наконец Лю Хун спустился, и Чжуан Лань сказала:

— А-Хун, хочешь, я тебя поддержу?

Она протянула худенькую руку, но Лю Хун отстранил её.

— А-Хун, подожди, я позову Да Цина, чтобы он тебя отнёс, — крикнула ему вслед А-Хэ.

Но Лю Хун уже шёл прочь.

Лю Хун оставался дома, восстанавливая силы. Матушка Лю каждый день варила ему яйца и тушила рыбу, при этом постоянно приговаривала, чтобы он больше не ходил с Дуань Юйцзяо ловить воров. Лю Хун, не желая тревожить мать, смирился и покорно сидел дома.

— Мама, откуда ещё яйца? — спросил Лю Хун, поднимая миску и видя в ней яйцо. За последние дни он съел уже несколько. Хотя в доме и была курица, но она была старой и не могла нести столько.

— Второй брат прислал. Ешь, пока горячее.

Матушка Лю очистила яйцо и протянула сыну. Оно было тёплым. Лю Хун взял и быстро съел. Яйца можно было продать, и стоили они недёшево, но мать варила их, чтобы сын набирался сил.

Хотя земледелие приносило меньше, чем награды за поимку воров, зато Лю Хун не получал ран, и матушка не тревожилась.

Спустя несколько дней Лю Хун поправился, собрал сушёный бамбук, рыбу и грибы, сложил в корзину и собрался везти на продажу в уезд. В самый разгар сборов подбежала Чжуан Лань и сказала:

— Старший брат едет в уезд навестить А-Пина. А-Хун, ты поедешь?

— Я как раз тоже собираюсь.

Повозка семьи Чжуан была прежней, только лошадь сменили.

Лю Хун правил лошадьми, везя Чжуан Яна и Чжуан Лань. Та сидела посередине, радостно болтая без умолку и разделяя Чжуан Яна и Лю Хуна.

— Старший брат, они на тебя смотрят или на А-Хуна?

Проезжая деревню Лай, сборщицы тутовых листьев снова уставились на них.

— На твоего старшего брата.

<http://bllate.org/book/15945/1425680>